

Дина Рубина.

От многих людей приходится слышать: современную литературу не читаю — некогда, да и литература ли это?

Нет ли у вас ностальгии по XIX веку? Ностальгии по тем старым добрым временам, когда о читателе думали не только авторы бульварного чтива, но и серьезные писатели. Читателя старались заинтересовать, увлечь. Нередко ему старались навязать свои взгляды, но ведь для того, чтобы это сделать, читателя надо опять-таки увлечь интересным сюжетом, колоритными героями, оригинальной мыслью. Правда, стиль общения с читателем был тоже другим. Начинать роман «с места в карьер» было не принято. На такое решались немногие.

Старый, добрый роман, например, Диккенса или Вальтера Скотта открывался введением, за которым следовали вступление и вводная глава. Спешка хорошей литературе вредна. Это понимал и читатель, принимавший нарочито замедленное начало повествования как должное. Тогда читатель знал, что если не на десятой, то уж, наверное, на сороковой странице действие потечет быстрее, будут меняться обстоятельства, место действия, появляться все новые герои и ленивое течение равнинной реки сюжета превратится в стремительный, горный поток, а читатель, забыв обо всем на свете, станет «глотать» страницу за страницей.

В наше время такая манера писать не исчезла (с места в карьер любят стартовать лишь те, кто заботятся о продажах), а скорее эволюционировала. У современного писателя неспешный ритм вводной главы распространяется обычно и на весь текст. Интрига отмерла за ненужностью, а сюжет деградировал до акынского «что вижу — то пою». Главное да, пожалуй, и единственное достоинство такого текста — стиль. Прекрасный стиль нравится не только специалисту, но и читателю, имеющему вкус. Но тот же читатель, не найдя в очередном «романе» (почему то теперь почти каждый объемистый текст принято называть «романом») ни действия, ни героев, ни идей,

разочарованно отложит его в сторону, но творчество писательницы, о которой сегодня пойдет речь, вряд ли кого из Вас оставит равнодушным.

Произведения Дины Рубиной представляют особенный интерес. Тонкая, вдумчивая, насквозь пронизанная мягкой иронией, проза писательницы близка каждому читателю, независимо от возраста, национального происхождения, социального сословия (при условии, что этот читатель думающий, чувствующий). О Дине Рубиной написано уже немало, что свидетельствует о большом интересе к ее творчеству.

Она родилась в 1953 году в Ташкенте. Ее отец и мать жили до этого на Украине, но встретились именно в Узбекистане. Отец был художником, мать – преподавателем истории. Помимо школы она училась еще в специальной музыкальной школе при консерватории по классу фортепиано. Ее впечатления от «музыкалки» вошли в сборник повестей и рассказов **«Уроки музыки»**. Еще будучи совсем юной, Дина Рубина часто пребывала в медитативных состояниях. Вот как она описывает их сама :

– Самая обыкновенная вещь – сценка, случайная тающая фраза в уличной толпе, обиходная деталь быта вдруг высекали во мне сверкающую искру и я впадала в прострацию. Нежный подводный гул в ушах, давление глубинной толщи, парное дребезжание воздуха, какое в жару поднимается над раскаленным песком, сопровождали эти непрошенные медитации. Так однажды на уроке физики я вылетела из окна и совершила два плавных круга над школьной спортплощадкой.

Добротная установка на *сказать* (не эпатировать или выдать за истину в последней инстанции) заявлена у Рубиной с самого начала творческого пути, с пронзительного раннего рассказа **"Яблоки из сада Шлицбутера..."** в котором случайный разговор в редакции еврейского журнала неожиданно заставляет героиню вспомнить семейное прошлое, годы войны и рассказать трагическую судьбу «бешеной» гордой «Фридки», которую фашисты перед тем, как повесить, «гнали, обнаженную, десять километров по шоссе — прикладами в спину...».

Подростком она начала писать, ее первый рассказ **«Беспокойная натура»** был напечатан в журнале «Юность», с которым она потом долго сотрудничала. О своей журнальной раскрутке в «Юности», имевшей тогда легендарный тираж в три миллиона экземпляров, вспоминает с легкой иронией: *«...журнал попал и в тюремные библиотеки, и на корабли военного флота. Меня завалили поклонники письмами...»* Так у Дины Рубиной появился свой читатель.

После окончания школы Рубина пошла учиться в консерваторию, преподавала в Институте культуры. В двадцать с небольшим, в Узбекистане, она стала членом Союза писателей. Два раза выходила замуж, есть сын и дочь. На съемках фильма по повести **«Завтра, как обычно»** писательница познакомилась со своим вторым мужем, и уехала с ним в Москву. Фильм получился неудачным, но после него Дина Рубина написала одну из лучших

Д.И. Рубина

своих вещей **«Камера наезжает»**. О московском периоде своей жизни рассказывает скупое — столицу, куда рвалась из родного Ташкента, внутренне не приняла. В Москве она стала «свободным художником». А в конце 1990 года Дина Рубина вместе с семьей уезжает в Израиль. Сама писательница считает этот год своим биографическим и творческим рубежом. Полгода после переезда на историческую родину она ничего не писала. Там, по собственному выражению, Дина Рубина **«фрагментарно служила»**, писала книги, много выступала, путешествовала. Ее творчество было отмечено литературными премиями. Одну она получила за книгу **«Один интеллигент уселся на дороге»**, вторую — за роман **«Вот идет Мессия!»**. Но вернемся к началу ее творчества. Особенно интересны ранние произведения Рубиной. Одно из таких «ранних» произведений — рассказ **«Все тот же сон!»** (1985).

В этом рассказе писательница раскрывает феномен таланта в момент его зарождения и творческой реализации. Рубина прослеживает, как порой внешне незначительные события обыденной жизни становятся судьбоносными, заставляя героя пережить нечто значительное, вследствие чего наблюдается не только резкое изменение в мироощущении героя, но кардинально изменяются его жизненные интересы, обуславливающие в дальнейшем профессиональный выбор, как это случилось с героем рассказа **«Все тот же сон!»**

В основе сюжета этого рассказа Дины Рубиной — повествование о школьной постановке спектакля по трагедии А. С. Пушкина **«Борис Годунов»**. Героиня-рассказчица, от имени которой ведется повествование, непосредственная участница всех событий, описываемых в произведении. Писательница мастерски «лепит» яркие и колоритные характеры: несколько набросков, характерных штрихов, гибких и изящных фраз — и портрет готов. К примеру: **«Роль монаха Пимена досталась моему однокласснику, шпане большого полета Сеньке Плоткину. Сколько помнила я Сеньку, чуть ли не с первого класса он, как боевой самолет, всегда был «на вылете».<...> На недавнем комсомольском собрании решено было на Плоткина влиять, и при распределении ролей сочли, что лучшие Пушкина вряд ли кто сможет повлиять на Сеньку»**.

Сенька Плоткин, вечный кандидат «на вылет», из-за чего и рекомендованный на роль монаха Пимена в пушкинской трагедии, на первой читке не проявляет не только никакого творческого вдохновения, но даже элементарного интереса к предстоящему действию: **«Сенька был демонстративно безразличен и туп»**. Но в дальнейшем развитии характера мы увидим разительную перемену как в его поведении, так и в его отношении к сценическому воплощению своей роли.

Заключительные слова Пимена: **«Подай костыль, Григорий...»**. В контексте пушкинской трагедии эта невинная и ничего не значащая реплика никак не влияет на идейно-художественное содержание **«Бориса Годунова»**. В рубинском рассказе эта реплика выступает в качестве ситуации, рождающей импульс к последующим действиям. Именно с этой незначительной фразы начинается внутреннее движение в характере героя. С этого момента **«Сенька**

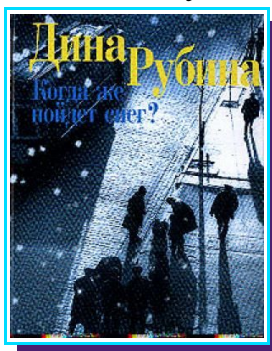
очень воодушевился» и «...когда наконец выучил наизусть роль Пимена, стали происходить с Сенькой странные вещи». Изменения, наблюдаемые в герое, обнаружили в нем глубокие творческие силы, не подозреваемые даже им самим.

Писательница показывает образ талантливой личности в самом истоке ее зарождения. В развитии сюжета прослеживается постепенное пробуждение творческого потенциала в духовной организации человека. Вчерашний шпана, вечный кандидат «на вылет», Сенька Плоткин, который даже многих слов из своей роли не понимал, стал постигать внутреннюю жизнь пушкинской трагедии, стал вникать в природу характеров пушкинских героев. Творческий дух, пробудившийся в герое, вынуждает его, помимо воли, искать истину не только в характере Пимена, но выводит его на поиски исторической правды.

Рубинский герой пытается понять и раскрыть внутреннюю природу характера Пимена, уяснить истинные мотивы летописной версии Пимена. Сомнения шпаны Сеньки возникли не без оснований, он доказывает героине, что *«Годунов не убивал царевича Дмитрия»*, и обоснования у него серьезные: *«Я читал. Я все воскресенье в библиотеке просидел. И еще пойду».*

Теперь для Сеньки это была не просто роль, которую ему в воспитательных целях «навязали» играть, а нечто новое, близкое его душе: *«...я старика так любить начал в последнее время...<...> И даже... в Бога верить начинаю...».*

Книги Рубиной — сгусток жизни, в котором вместо ора, кровопролитий или утомительной философии появляются по-человечески разговаривающие люди. К их разговору время от времени хочется прислушаться, поэтому так много читателей у ее книг. В чем же секрет такой популярности? Может быть, в удивительной легкости, музыкальности стиля? Или в проблемах, которые она ставит в своих книгах? Обыкновенных человеческих проблемах, связанных с вопросами нравственности, человеческих взаимоотношений? Герои ее книг — обычные люди, живущие рядом с нами. Может быть, именно способность героев в сложных житейских ситуациях делать нравственный выбор в пользу непреходящих человеческих ценностей заставляло читателя невольно сопереживать, ставить себя на их место, пытаться представить себе, как каждый из них поступил бы на месте того или иного персонажа.

Литературную известность Дине Рубиной принесла публикация в 77-м году в журнале "Юность" повесть **"Когда же пойдет снег?.."**. В ней девочка встречает свою любовь накануне смертельно опасной операции... По этому произведению был снят фильм, поставлены теле- и радиоспектакль, написана пьеса, которая много лет шла на сцене Московского ТЮЗа. А теперь Издательский Дом "Союз" предлагает аудиоверсию этой повести в исполнении самого автора.

— *Убеждена, что мою прозу можно только читать. Играть меня в театре и кино так же невозможно, как играть Искандера или Довлатова. Проза писателей с ярко выраженной авторской интонацией не поддается*

переносу на сцену и экран. С этим нужно только смириться», - говорит писательница.

Дина Рубина писатель-романтик. Большинству своих книг она дает длинные, красивые названия: *«Холодная весна а Провансе», «Высокая вода венецианцев», «Гладь озера в пасмурной мгле...»* Это одна из фишек ее стиля. Название рассказа *«Область слепящего света»* замечательное тому подтверждение.

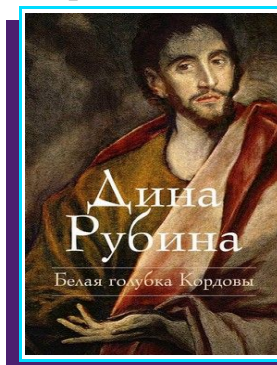
Этот рассказ входит составной частью в цикл рассказов о любви. Ничем не примечательные, одни из многих, люди внезапно находят друг друга; банальный флирт вырастает в большое чувство. Обычность подчеркивается не яркостью героев, даже серостью. Вот как их характеризует Рубина: *«Он оказался невысоким неярким человеком средних лет», «скромной внешности», заикой; она «автор сценариев двух никому неизвестных документальных фильмов, два неудачных брака, детей нет, сыта по горло, оставьте меня в покое»* - распространенный по своей обыденности типаж. Встретились, случилась вроде бы интрижка, и разойтись бы. Каждый понимал, что больше не увидятся. *«А вернешься когда?»* - спросила она. Он хотел ответить *«никогда»*, и в сущности, это было бы правдой».

К герою Рубиной приходит осознание и ощущение невозможности существовать без любимой женщины. Герои ощущают двойственность свою и окружающих. Настоящая, полная любви жизнь скрыта от людских глаз. Любви, которая приподнимает героя над буднями, над серостью, в «высшие слои атмосферы», туда, где, по выражению Рубиной, *«область слепящего света»*.

В традиции русских классиков — не достаивать героев быть счастливыми, «любить долго и умереть в один день»; на «поверхности земли» любовь не устроить — любовь возможна там, в «области светящего света», там, где «небо в алмазах», где поют ангелы, где все «страдания потонут в милосердии», не случайно героиня «вознеслась» - именно так видит рубинский герой свою возлюбленную, поднимающуюся на эскалаторе по пути в самолет. Финальная фраза принадлежит жене героя: *«Ну, если ты еще не переоделся, так вынеси мусор»*. Звучит страшно, так как герой находится в состоянии ступора: он только что узнал, что самолет в котором летела его возлюбленная, разбился. Хирургически, жестко решен финал у Рубиной: большое, страстное чувство не способно приладиться к будням, к обыденности, оно остается там, в «области слепящего света».

Писательница виртуозно владеет навыками остросюжетного повествования. Книги ее читают залпом, они из тех, которые листаешь, проверяя, сколько страниц осталось, - в надежде «на большее».

Роман *«Белая голубка Кордовы»* был издан в 2009 году. На обложке книги — старинный портрет молодого человека, скомпонованный из двух известных работ великого испанского художника Эль Греко: голова взята с портрета монаха Ортенсио Парависино (в зеркальном изображении), а туловище — с картины «Иоанн Евангелист». Можно ли так

обращаться с шедеврами мирового искусства? Вообще-то нет, а в данном случае выходит, что можно. Дело в том, что это роман Дины Рубиной — про фальсификацию этих самых шедевров, и Эль Греко — один из тех художников, чьи работы фигурируют здесь в качестве объектов подделки, так что обложку можно признать даже остроумной. Что же это за роман? Это как принято в современной литературе, произведение синтетическое, с элементами авантюрного, исторического и любовного романа, а также романа-путешествия и семейной саги.

Главный герой романа «Белая голубка Кордовы» - художник, его творческое лицо формировалось среди питерской вернее, ленинградской богемы 70-х годов прошлого века. Но «предлагаемые обстоятельства» в которых он оказался, экстремальны. Для героя новой ее книги общественная мораль и Уголовный кодекс — не более чем досадные недоразумения; их следует преодолеть просто потому, что они некстати возникли на пути.

Читатель знакомится с главным героем романа Захаром Кордовиным — талантливым художником, искусствоведом, экспертом и мастером подделки шедевров живописи — в тот момент, когда тот впаривает незадачливому коллекционеру из нуворишей «пейзаж Фалька» собственного изготовления.

Кроме упомянутой сделки с «пейзажем Фалька», эксперт затевает еще одно перспективное дело. Серьезный коллекционер живописи Аркадий Викторович Босота, «работодатель», практически товарищ Кордовина, почти случайно обнаружил среди осколков трофейных коллекций времен Второй мировой войны подлинный холст Рубенса «Спящая Венера», в каталогах числящийся бесследно припавшим. По настоянию Босоты Захар реставрировал картину подпольно, под строжайшим секретом. Засобиравшийся вскоре за кордон коллекционер решил продать картину «новому русскому» во избежание неминуемых проблем на таможне. Не желая расставаться с картиной окончательно, он попросил Захара сделать для него копию «на память», разумеется, сохраняя сверхсекретность. Вскоре после отъезда Босоты выяснилось, что копия как раз осталась в Питере, а подлинника вместе с коллекционером след простыл. Разумеется, «новый Третьяков» не смирился с обманом и стал разбираться со всеми подозреваемыми «по понятиям»...

Рубина одинаково хорошо освоила не только малую, но и крупную форму. Работает в разных жанрах — не дает своему читателю устать. Как-то ее спросили, что тяжелее дается — роман или рассказ, и она ответила следующим сравнением — это все равно что *«поднять стокилограммовую штангу или расписать палехскую шкатулку»*.

Роман-ретроспекция «На солнечной стороне улицы» - это остросюжетное повествование, которое умело «пропущено через психологический ток».

С одной стороны — мать и дочь, кровно ненавидящие друг друга; с другой авторские воспоминания о проведенных в Ташкенте детстве и юности. Две линии существуют параллельно, но между ними есть незримая связь: в детстве Вера Щеглова (дочь) и лирическая героиня воспоминаний

жили на соседних улицах и были шапочно знакомы. Вера запомнилась как девочка со странным именем «Мышастый», которая ничего не замечала и никогда не здоровалась при встрече.

Роман зрел пятнадцать лет. В названии романа «На солнечной стороне улицы» слышится блюзовая интонация. Впервые подросток Вера слышит блюзовую музыку в больнице. Жадно высовываясь сквозь прутья больничной решетки, всем сердцем ощущая мелодию, несущуюся *«по звездному мосту азиатской ночи»* как символ свободы, как знак существования другой, незатравленной жизни. И второй раз — много лет спустя, на вершине успеха. Будучи известным художником, - вживую, в одном из американских баров, где возникает образ *«полной негритянки в блестящем наряде, открывающем <...> пышные плечи»*. Что-то есть в этом описании от Эллы Фицджеральд. В романе ярко показаны быт и нравы послевоенного Ташкента. Читатель входит в упоительную атмосферу восточного базара с его «тележками с газированной водой», лепешками из тандыра, пловом, который едят руками.

Открывая роман вы не сразу окажитесь на солнечной стороне улицы: сюжет закручен, наделен чертами детективного жанра. Излюбленный прием Рубиной, (мгновенная смена настроения), которым она владеет безукоризненно, особенно здесь чувствуется. После небольшого поэтического зачина, написанного практически ритмизованной прозой: *«Я позабыла этот город, он заштрихован моей угрюмой памятью, как пейзаж — дождевыми каплями на стекле»* - сразу следует жесткое, угрюмое начало: из тюрьмы возвращается торговка наркотиками Катя, которая пять лет назад пырнула ножом своего мужа, узнав о супружеской измене.

Бытовой сюжет непригляден, страшен, прост, как сама жизнь. Кате, единственному ребенку большой семьи Щегловых, пережившему блокадный Ленинград, дарована жизнь — ее выходила в Ташкенте «маленькая проворная женщина» Хадича. Вера — главная героиня романа — дочь харьковского дельца, «часовщика» Семипалого и Кати, одной из тех девушек на которой остановился прожженный взгляд Семипалого. Катя ощущает давление со стороны Семипалого, его тяжелую руку, но не в силах противостоять вплоть до того момента, когда узнает, что ждет ребенка. На протяжении всего жизненного пути Катю сопровождает злость и отчаяние, толкающее на преступления, самое легкое из которых — ненависть к своему ребенку, где страшнее всего не кульминационный эпизод драки Кати и Веры в Верином подъезде, а одна из первых сцен, в которых Катя задумывает избавиться от «Семипалова отродья»: *«Верка над ее головой лепетала что-то по-своему <...> Уехать! Одной, сейчас! <...> А Верку... Верку соседи подберут, сдадут куда-нибудь <...> Она рывком поднялась с пола, перевязала косынку... оглянулась в дверях...Верка переступала босыми ножками по голому матрацу <...>*

— *Тю-тю мама? Вдруг спросила она ласково.*

Тогда мать завывала — страшно, зло, безнадежно, завывала без слез. Воя и скрипя зубами, обернула дочь своим жакетом, вытащила из кровати и понесла прочь».

После драки — долгие года Катя и Вера не пересекаются; их

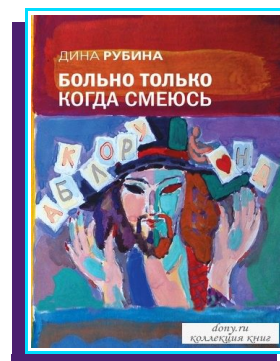
единственная поздняя встреча, которой заканчивается третья, последняя часть романа, происходит в больнице, где Катя умирает от рака, исчерпав все жизненные сроки и раскаиваясь в собственных ошибках, а их — за краткое общение — сделано столько, что даже сама смерть не может стать примиряющей силой.

Циничной истории Семипалого и Кати противопоставлены две любовные истории из жизни Веры — юношеская влюбленность в художника-калеку Стасика, снимающего комнату в Вериной квартире и по совершенной случайности (ею полна вся жизнь) попадающего под колеса автомобиля, а также любовь к Вере Лени, которого она не замечает долгие годы, ощущая только своим другом. Именно с этим человеком ей будет суждено через много лет обрести успокоение.

Любовные описания - в романе их немного — выверены, каждое слово в них рассчитано, и все-таки - они хороши. В них порой прорывается какая-то бунинская нотка.

Как у блестящего иллюзиониста заранее припасена карта в рукаве, так у большого писателя почти всегда в столе лежит новая книга. Может быть, писатель и сам не знает, что книга уже готова, но она есть. Вот и Дина Рубина за несколько лет своей писательской жизни стольким журналистам ответила на вопросы, что сочинение, в основу которого легли ее интервью, просто не могло не появиться.

«Да это же книга, - подумала я. - Это — тоже книга. Надо только перевернуть застывшую в вопросах-ответах жизнь, встряхнуть как следует, сдуть пыль. Кое-где отпарить, кое-где подштопать, отгладить уголки... - будет как новенькая!».

Но Рубина была бы не Рубина, если бы опубликовала просто сборник интервью. Нет, это большая книга размышлений, серьезных и не очень, порой занятных, а иногда и вовсе неожиданных, о прошлом и настоящем, Ташкенте, эмиграции, пристрастиях, семье, дружбе и, конечно, писательском труде.

Любопытны ее утверждения о детях, чьи родители являются писателями. Она утверждает, что писательские дети, как водится, почти всегда несчастны. *«Писательскому ребенку в детстве говорят: «Я возьму тебя с собой, если всю дорогу ты будешь молчать — не потому, что мама — сволочь, а потому, что не может она отвинтить себе голову и выбросить ее в окно»...* и так все триста с лишним страниц, метко, емко и даже весело (в книге множество анекдотов, курьезных случаев и просто лирических воспоминаний). И все это через призму писательства. Потому что *«писатель с рождения видит мир иначе, чем остальные. Он посторонний в нем: не живет, а наблюдает»...* Такое ощущение, будто это не несколько интервью, собранных в сборник, а одно большое, главное... и интервьюер тут ой как не прост.

Если у Вас возникло желание познакомиться с творчеством этой писательницы, обращайтесь в отдел художественной литературы.

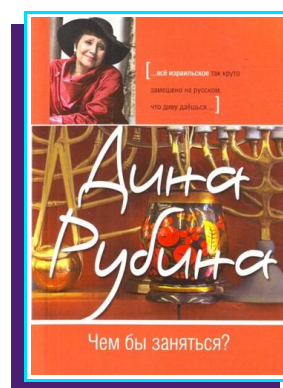

Рубина, Д. И. Дом за зеленой калиткой / Рубина, Дина Ильинична. - М. : ВАГРИУС, 2002. - 239с

В сборник вошли "детские" произведения Дины Рубиной, посвященные самой замечательной поре в жизни каждого человека. Несколько самых ярких автобиографических историй легли в основу сюжетов этих рассказов.

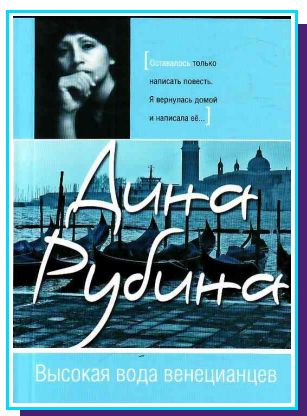
Рубина, Д. И. Чем бы заняться? / Рубина, Дина. - СПб. : Ретро, 2002. - 271с.

Основным материалом этой легкой изящной книжки послужила израильская жизнь: приземленная повседневность недавнего эмигранта и ностальгические воспоминания о советском детстве и юности. Смешные бытовые сценки, анекдоты из жизни русских израильтян, - в общем, по выражению автора, "свободный треп"...

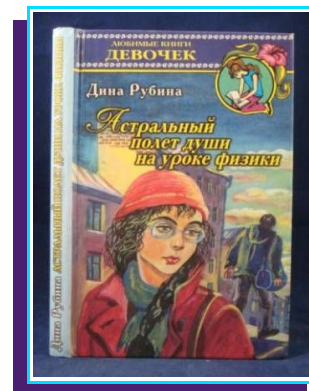

Рубина, Д. И. Высокая вода венецианцев : Повести, рассказы / Рубина, Дина Ильинична. - М. : Вагриус, 2002. - 348с.

«Высокая вода венецианцев», по мнению критиков и поклонников творчества писательницы, одна из лучших повестей Дины Рубиной. Рассказ о молодой женщине, которая, узнав о смертельном диагнозе, в тайне от друзей и родных отправляется в Венецию, не оставит равнодушным никого.

Рубина, Д. И. Астральный полет души на уроке физики : Повести. Рассказы / Рубина, Дина. - М. : АСТ : Астрель, 2003. - 236с.

"Все мы пленники своего детства, и чем дальше уходит оно в перспективу лет, тем сладостней нам путы памяти: захолустные дворики, блики солнца в листве винограда, таинственные блуждания по просторам помойки, воровство дынь и арбузов на окраинных бахчах...И бездумно зазубренный параграф в учебнике физики - "Модуль вектора магнитной индукции". Я помню его до сих пор. Несчастный модуль вектора торчит в моей цепкой памяти одиноким обломком. Неуютно ему там, невесело, как приبلудному сироте в чужом доме..." (Д. Рубина).

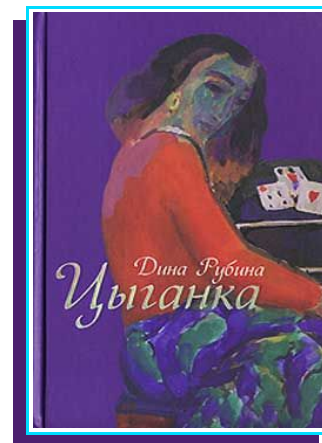

Рубина, Д. И. Ангел конвойный : роман и повести / Дина Рубина. - М. : ЭКСМО, 2005. - 447 с.

«...Своего ангела-хранителя я представляю в образе лагерного охранника – плешивого, с мутными испитыми глазками, в толстых ватных штанах, пропахших табаком и дезинфекцией вокзальных туалетов. Мой ангел-хранитель охраняет меня без особого рвения. По должности, согласно инструкции... Признаться, не так много со мной возни у этой конвойной хари. Но при попытке к бегству из зоны, именуемой «жизнью», мой ангел-хранитель хватает меня за шиворот и тащит по жизненному этапу, выкручивая руки и давая пинков. И это лучшее, что он может сделать..." (Дина Рубина).

Рубина, Д. И. Цыганка : рассказы / Дина Рубина. - М. : ЭКСМО, 2007. - 319 с.

Рассказ «Цыганка» — это удивительная семейная история о женщине, которая, сама того не подозревая, стала «подсадной уткой Господа Бога», Господним учебным пособием для заблудших душ. Все началось еще до революции, когда прапрадед героини уехал на ярмарку, покупать подарок своей невесте. Уехал за подарком, а приехал через два месяца, на чужой телеге с красавицей-цыганкой. Семья его была против, чуть было не отреклась от молодых, но парень оказался с характером.

Да и цыганка его не подвела, была верна мужу и семье, нарожала ему детишек... Вот только по весне уходила в табор, в лихой цыганский загул, но каждый раз муж безропотно принимал ее обратно. Удивительная была женщина, ее боялась и уважала вся деревня. Гадать она не гадала, но сумела предсказать свою смерть, причем за несколько лет до того, как случилось это несчастье. Но и обидчикам ее не поздоровилось.

С той поры ходят, скитаются по свету ее далекие потомки. Сама героиня уродилась в прапрабабку, по весне ей не сидится на месте. Начинаются поиски «горячих» билетов, самолеты и поезда уносят ее в дальние края, потом тоска по дому гонит обратно. А за спиной ее вечно стоит тень прапрабабки, которая присматривает за потомками своими до девятого колена. Рассказ Дины Рубиной «Цыганка» — удивительная семейная история, которая входит в одноименный сборник.

Рубина, Д. И. Ручная кладь / Дина Рубина. - М. : ЭКСМО, 2008. - 316 с.

«Любимая тема в жизни путешествия. Я готова ехать куда угодно, зачем угодно, на какой угодно срок. Путешествия — то, ради чего стоит жить, писать книги... В жизни ведь ко всему привыкаешь, и к жизни самой привыкаешь — она надоедает. Все ситуации повторяемы. Ново только одно: куда бы еще податься?!

И сколько раз мое путевое беспокойство бывало сполна награждено: в случайной встрече, летучем разговоре, на обрывке забытой в купе газеты меня ждало самое драгоценное в нашей писательской судьбе — нечаянный сюжет».
(Д. Рубина).